

Михаил ЕФИМОВ
КАЛЕЙДОСКОП ДУШ

16+

@ЭЛИТА

Михаил Ефимов
Калейдоскоп душ.
Художественная философия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54097870

Калейдоскоп душ:

Аннотация

Фрагменты жизненного пути абсолютно разных людей объединены в одну повесть, состоящую из нескольких рассказов. Люди, о которых идёт речь, не просто разные, они находятся на самых разных ступенях социальной лестницы – от самой первой до самой последней. Их жизни переплетаются с разными, якобы случайными событиями и другими людьми, узорами выстраивая цепочки судьбы. Е. П. Блаватская называет эти ступени «кругами» и объясняет их смысл в «Тайной доктрине», ну а главный герой пытается это сделать сам, в состоянии медитации, под удивительные разъяснения Учителя – одной из высших сущностей тонкого мира.

Михаил Ефимов

Калейдоскоп душ

«...Когда добавим к этому недвусмысленное сообщение Павла в «Послании к Галатам», IV. 22–25, что повествование об Аврааме и его двух сыновьях все есть «аллегория» и что «Агарь есть гора Синай»; то действительно, не в чем упрекнуть христианина или язычника, который отказывается принять «Библию» за что-либо другое, как только за очень искусную аллегория... В каждой древней стране, претендующей на цивилизацию, существовала Эзотерическая Доктрина, некая система, которую обозначали словом МУДРОСТЬ, а тех, кто посвятили свои жизни её сохранению и продолжению, называли мудрецами или мудрыми людьми...»

«...Оккультизм или Теургия обучает способам создания такого соединения. Но именно деяния человека – его личные заслуги— вот, что может создать его на земле или определить его длительность. Оно длится от нескольких секунд, вспышки, до нескольких часов, в течение которых теург или теофан становится самим этим осеняющим «Богом»; следовательно, он становится на это время одарённым относительным всезнанием и всемогуществом».

Е. П. Блаватская

«И где же произошли эти события?» – с сарказмом спросили меня недавно.

«Так начались они в некоем граде, полном солнца, морских брызг и беззаботных юных мечтателей, – невозмутимо ответил я. – Ну а окончание, думаю, каждый себе допишет сам, взглянув на свою жизнь. Да вы сами сейчас все поймёте».

Итак, в самой середине лихих девяностых два чёрных «мерседеса» остановились возле здания МВД одного крымского города. Никто из присутствующих, кроме человека, сидевшего на заднем сидении одной из машин, не знал, что здесь за вывеской районного отделения аппарата МВД скрывается отдел Комитета Государственной Безопасности. И не просто отдел, а спецотдел, занимающийся не совсем обычными вещами, естественно, засекреченный именно поэтому. Несколько секунд прошло в полном молчании, затем находившийся на заднем сидении мужчина с тренированным телом и стальным взглядом негромко сказал: «вперёд».

Трое сидящих с ним в машине, одетые одинаково в чёрные кожаные куртки и спортивные штаны, мгновенно оказались снаружи. Один из них открыл заднюю дверь. Появившийся из тёмного чрева машины прищурился и не спеша вылез наружу. Он потянулся, посмотрев на здание, куда пред-

стояло войти, при этом уголки губ презрительно опустились вниз. В его фигуре наблюдались небольшие излишки жира, накопившиеся поверх мощной мускулатуры. Поэтому, когда он медленно вразвалочку пошёл к двери, было непонятно – то ли грузное тело мешает энергичной походке, то ли это так, опять же, проявляется презрение. Остальные же члены сей не редкой в те годы компании шли пружинисто, взяв своего шефа в кольцо. Первый из идущих услужливо открыл тяжёлую дверь.

Всё это Юра видел из окна второй машины. Сам он, естественно, остался сидеть. Ведь он, как единственный из этой компании человек с головой и её производной – смекалкой, должен был лишь оценить возможные культурные ценности, кои, как ожидалось, вот-вот появятся на выходе из сего некогда грозного заведения. На этом его миссия заканчивалась.

А в это время бригада из четырёх лихих парней шла по извилистому коридору. В самом конце их лидер остановился, и с ним все замерли, как вкопанные.

– Здесь, – произнёс он коротко. Пред очами спутников предстали всего лишь пара – тройка кабинетов, но хочу заметить, что этого хватало для небольшого города.

– Заходим, – прозвучал вновь приказ.

Когда открыли дверь, в глаза в первую очередь бросилась довольно убогая обстановка кабинета. Всего-то старый советский стол – этакий мощный мастодонт, обтянутый зелёным сукном, пара стульев и чуть покосившийся шкаф для

бумаг. На вид – как-то маловато для столь серьёзного заведения. За столом сидел мужчина в белой рубашке с короткими рукавами и чёрных классических штанах, взгляд его был грустным. Бригадир также вразвалочку подошёл к столу.

– Я звонил на днях. Помнишь, надеюсь? Мы тебе две недели давали, время уже подошло. Что ты мне приготовил?

– Что же я могу вам дать? Посмотрите вокруг.

– А ты меня не жалоби. Не верю, что в вашей организации нет ничего ценного, например, изъятого у контрабандистов. Может, вместе посмотрим?

– Молодой человек, – процедил спокойным тоном мужчина, – вы забываете, с кем говорите. Я майор службы Государственной Безопасности и ваши угрозы не вызывают у меня того страха, на который вы очень надеетесь. Однако я адекватно понимаю всю ситуацию и ужас нынешнего времени, поэтому дабы не лишиться жизни, уступаю вашей агрессии. Можете обыскивать здесь что угодно. Кстати, контрабандистами занимается милиция, а не мы.

Бандит не замедлил воспользоваться предложением. Он презрительно отодвинул кэгебэшника ладонью руки, открыл дверцу шкафа и начал шарить взглядом по полкам. Однако кроме нескольких папок с бумагами и электрического чайника он больше ничего не увидел.

– Но здесь ничего нет! Короче, если ты мне сейчас не дашь денег или что-нибудь, что можно продать, я сильно разозлюсь и, возможно даже, завалю тебя прямо здесь.

Мужчина обречённо встал.

– Ну, есть у меня одна вещь. Хотя вы вряд ли оцените её по достоинству и, тем более, найдёте, кому продать.

Майор КГБ достал из нагрудного кармана ключ и открыл ящик стола. Бандиты с интересом припали к нему взглядами, но... кроме одной толстой папки с печатными листами, там ничего не было. Майор достал папку и, вздохнув, протянул её бригадиру.

– Это что за хрень? Чего ты мне книжонкой тычешь?! Ценности где?

Кэгэбэшник вздохнул ещё раз и внимательно посмотрел на бандита. Дыханье его изменилось. У кого-то из лихих парней зазвенело в ушах, он встряхнул головой.

– А это и есть самая большая ценность, что здесь есть. Эта вещь предназначена именно для нашего отдела. Владеющий знаниями, описанными в ней, владеет умами и временем. Многие понимающие люди купили бы её у вас за большие деньги.

Повисла длинная пауза. Майор смотрел в глаза бригадиру; тот, тяжело дыша, молчал.

– Я уверен, что вам вполне хватит этой ценности, – неожиданно сказал он, – и вы больше не имеете ко мне претензий.

– Поехали! – адресовал бригадир остальным, даже не повернув головы, и первым пошёл к выходу. Сзади с удивлёнными физиономиями спешила его челядь.

Выйдя на улицу, бригадир, не останавливаясь, подошёл ко

второй машине. Юра вышел навстречу:

– Ну что, есть для меня работёнка?

– Нет. Нету у них ничего. Поехали дальше, там возьмём.

Юра присмотрелся:

– А это что, шеф? – Он показал пальцем на папку в руке бандита.

Тот, как будто с недоумением, посмотрел на неё:

– Чушь какая-то, можешь себе взять! – И бросил папку на заднее сиденье.

– Вперёд, сейчас едем на больничный комплекс! – «Мерседес» рванулся с места.

Юрка развалился на заднем сиденье, ехать предполагалось минут двадцать. От нечего делать он открыл папку. Чуть пожелтевшие листы с кривыми строчками, напечатанными на старой печатной машинке, грустно предстали взору. На титульном листе в глаза бросилась надпись: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ДЛЯ СПЕЦОТДЕЛА КГБ». Юрка похолодел. «ТЕЛЕПАТИЯ. Евгений Закладный» – прочёл он на листе втором. В процессе дальнейшего чтения лицо его приобретало бледный цвет, а глаза наоборот загорались ярким пламенем. Он весь ушёл в чтение, листая страницы то вперёд, то назад, заглядывая и в середину, и в конец. Ощущение времени исчезло...

– Подъезжаем! – крикнул водитель.

Юрка очнулся.

– Как, уже приехали? – глупо спросил он.

Водитель заржал.

«Надо куда-то спрятать рукопись», – пришла лихорадочная мысль. Он засунул папку под рубашку. – «Только бы не вспомнили о ней».

Бригада вышла из первой машины и скрылась за одним иззданий комплекса. Юрка вынул папку из запазухи и продолжил читать – время снова остановилось. Через полчаса компания показалась у ворот, они несли с собой какой-то небольшой прибор и свёрток. Водитель «мерса», в котором сидел Юра, ожил, заёрзал и этим дал знак – снова быстро спрятать рукопись. Оказавшись напротив окна, бригадир легко бросил:

– На, смотри. Стоит это что-нибудь? – И тут же кивнул в сторону своей свиты.

Один из бойцов, что нёс прибор, протянул его в салон авто. Юрка покрутил вещь, внимательно присматриваясь:

– Похоже, стоящая вещица. На шильдике «Made in Japan» написано, и класс точности высший. Датчиков куча на проводах, и маленькие, не то, что у наших. Табло электронное и большое, значит, много показателей. Уверен, хороших денег стоит.

– Хорошо, Юрец, сейчас отвезём тебя домой, твоя работа пока что закончена. Если понадобится, найду сам. Отвезёшь его, куда скажет, – приказал он водителю.

Очутившись дома, Юрка в первую очередь бросился на чердак. Прихватив из кладовки какие-то тряпки, он замотал

папку и перевязал верёвкой. На чердаке в самом дальнем углу он зарыл её под слоем песка, пыли и какого-то барахла.

С тех пор прошло несколько лет.

Бандитов уже постреляли другие бандиты, а тех, в свою очередь, спецслужбы. И Юра, наконец, решился раскопать свой клад. Каждый день после работы он стал внимательно изучать по несколько листов. Начало было художественно-познавательным, зато к середине читатель был вознаграждён настоящим практикумом и тайными знаниями. Специалист в подобных вопросах сказал бы, что сии знания были похожи на ступень йоги Пранаяму, только в современной обработке и сильно сокращённую – без духовной философии, да и сами упражнения – сплошная квинтэссенция. Однако начало было положено – каждый вечер теперь заканчивался именно упражнениями. Юра уединялся в комнате и по часу шуршал страницами или сидел, закрыв глаза. Жене сие времяпровождение никак не нравилось, но... если Юрка что-то решил, он уже не отступит.

Я зашёл к нему в гости спустя полгода от этих событий. Вид у Юры был не очень.

– Привет! Ты чего такой бледный? – спросил я, усмехнувшись. – Семейная жизнь так тяготит?

Юра проигнорировал колкость.

– Пойдём, я покажу кое-что.

Минут двадцать я разглядывал рукопись, затем мои глаза стали похожи на лихорадочные Юркины:

– И как, ты уже что-то пробовал? У меня всё это вызывает скорее недоверие, ведь без специальной физической, а главное философской подготовки мозг может не выдержать такие акробатические этюды с сознанием. Не пройдя по нижним ступеням, не окажешься на верхней.

– Спасибо, что подсказал, – Юра криво усмехнулся, – я уже и без тебя это знаю. Теорию практически осилил, а вот с практикой беда. На начальном этапе непреодолимый барьер. Самая основа – психическое дыхание, накопление Праны в солнечном сплетении вызывает резкое сопротивление всего организма. Я уже три раза за последние полгода с температурой лежал. Представляешь, мы не так дышим и поэтому лишаем себя многих интересных навыков, умений. Обычный человек использует воздух лишь для потребления кислорода.

– А там есть что-то ещё? – улыбнулся я.

– А ты зря иронизируешь. Йоги считают, что именно там находится энергия, и её можно потреблять с дыханием.

Юра понемножку оживал, щёки уже зарумянились, а из глубины глаз засверкал знакомый огонёк.

– Я это на себе прочувствовал! Всё, как там сказано: сначала настроился на ритм дыхания, затем психическое, когда ты замираешь в конце вдоха и в конце выдоха на половину времени от этого, и буквально минут через пять я дей-

ствительно почувствовал в груди горячий комок. Однако через полчаса таких опытов у меня начала подниматься температура, и вот тебе результат – весь день пролежал, как в горячке. Тут для изучения надо отпуск брать, причём сразу на несколько месяцев. Я вот думаю, преодолю этот барьер, привыкнет тело к такому дыханию и всё – смогу многое.

Я уже и сам возбуждённо ходил по комнате, заложив руки за спину.

– Хорошо, а зачем дыхание останавливать вверху и внизу? И что потом с этой энергией делать?

– Мы потому и не можем ничего воспринять, что после вдоха сразу выдыхаем – Прана не успевает усвоиться. К тому же, дыша, надо представлять... нет, даже чувствовать, что ты дышишь ещё и кожей всего тела. Вообрази себе, как при вдохе, при впитывании воздуха в кожу аж волосинки к ней пригибаются. А с использованием энергии там ещё интереснее! Для этого в рукописи описаны упражнения на порядок сложнее, причём оставлять её в себе никак нельзя, иначе плохо будет.

Я засмеялся:

– Вот я и гляжу, ты весь белый.

– Это не от распределения энергии, сей процесс я как раз таки освоил. – Юра обиженно поджал губы. – Я уже говорил, организм психическое дыхание не приемлет. Думаешь, ты бы лучше меня смог?

– А, может, и смог бы. Дай мне рукопись, я попробую.

– Нет, извини, эти знания слишком серьёзны и могут принести много вреда в мир. Да и к баловству они не предназначены. Тебя я, конечно, знаю, но всё же остерегусь. Сначала сам... да, только сам... – Юрка задумался и погрузился в себя.

Огонёк в глазах исчез, и я опять увидел того бледного худого парня, что был до разговора. Мне ничего не оставалось, как незаметно уйти.

Поначалу я даже забыл про рукопись: ну не моя – и ладно, значит, не судьба, да и рутинные дела поглощали всё время и сознание. Однако года через три один интересный случай вернул и память, и желание ещё раз с этой рукописью познакомиться. Как-то после работы я решил пройтись пешком до дома дальней дорогой – это минут этак сорок. Хочется иногда подумать на философские темы, а, мерно чеканя шаг, мысли сами по себе приплывают и выстраиваются в голове чёткими рядами. В памяти, которую теперь не контролировала ни логика, ни сознание, вдруг всплыл тот рассказ Юры про Прану и про упражнения с ней. Сразу появилось желание попробовать хотя бы то, что узнал из Юриного короткого рассказа.

Дыхание удалось обуздать сразу, это оказалось несложно. Обладая хорошей фантазией, я действительно как будто почувствовал на коже холодок от впитываемого в неё воздуха. Так продолжалось минут пять. И вдруг на самом деле я стал

ощущать где-то в районе солнечного сплетения, а может чуть выше, горячий комок. Он жёг всё больше и больше, словно увеличивался. Я остановил опыт – не совсем приятные ощущения породили страх. Дыхание вновь стало обычным, однако комок остался и сильно мешал. Как от него избавиться я не знал, Юрка это оставил в тайне, поэтому я просто надеялся, что он рассосётся сам по себе.

Мои надежды, хоть и не сразу, но были вознаграждены – горячий шар понемногу терял свою температуру и размеры. Он исчез окончательно, когда я уже был дома. Но вместо шара теперь вспылал интерес, и я сел за компьютер. «Телепатия. Евгений Закладный» – набрал я в браузере. Надежды было мало, но всё же... Увиденное поразило не меньше горячего шарика в груди: «Наибольшую известность Закладному принесла книга «Телепатия», представляющая теоретический и практический курс для развития телепатии. Написанный в конце 1960-х годов, курс предлагает одну из «электромагнитных» версий для описываемых явлений (не только телепатии, но и телекинеза и т. п.). Курс практик является современной компиляцией Раджа – Йоги, предназначенной для тренировки собственной PSI-энергии. ... до сих пор актуальна в качестве практического пособия по биоэнергетике. ... считается базовой для всех без исключения эзотерических учений, независимо от их направленности. По легенде, книга была официальным «настольным» учебником сотрудника КГБ...»

«По легенде... надо же», – усмехнулся я про себя. Стало быть, сомневаются и никогда не видели издание именно для спецотдела КГБ. А эта «легенда» сейчас лежит себе у Юры на столе и даже не подозревает, что она, оказывается, миф. Хотя ценность-то не в этом. Упражнения, обработанные и собранные в единую систему, адаптированную для пользователя с европейской ментальностью – вот её уникальность. «Да-а, недооценил я тогда рукопись. Надо бы съездить к Юре и поподробнее на неё взглянуть», – тут же возникла мысль.

Сказано – сделано. Очень скоро я оказался у друга снова и тут же попросил ещё раз посмотреть на сакральные знания:

– Кстати, чтобы ты не переживал: эта вещь, причём в виде книги и информация о ней, лежит в Интернете в свободном доступе. Ты, как я понимаю, не знал, а это уже давно не тайна.

Юрины глаза изобразили сильное удивление.

– Да, неожиданно. Даже не верится. Но раз ты говоришь...

– Ты не удивляйся, когда рукопись появилась у тебя, в инете её ещё не было, да и сам инет у нас тогда только появился. Даже вживую та книга, что выложена в сети, была напечатана уже позже. К тому же, ты все равно владеешь тайной – информация о том, что рукопись была настольной книгой спецотдела КГБ, считается легендой, а ты её владелец.

Юра, который всё это время взволнованно ходил по комнате, вдруг остановился и посмотрел на меня как-то оценивающе.

– Скажи, а ты бы хотел иметь эту вещь у себя?

Мои глаза округлились, я совсем не ожидал такого вопроса. В голове появилась шальная мысль:

– Ну, вообще-то да. Ты же знаешь, что мне очень интересно. А что?

– С тех пор, как она у меня появилась, я знал, что должен буду отдать её другому хранителю. Откуда знал? Видимо, занятия с Праной научили чувствовать тонкий мир. Там мне и сказали, что появится человек, чистый морально, без чрезмерных амбиций к власти и деньгам, ему я и отдам рукопись.

Юра опустил глаза, его голос стал тише:

– Знаешь, она меня стала тяготить. Да и занятия с энергиями приносят мне ухудшение самочувствия, отвлекают от других дел. А то, что я хотел, я уже оттуда почерпнул. Так что, теперь хранитель ты. Держи! – Рукопись всей тяжестью легла в руки.

Хоть и была вся эта вещь в Интернете, у меня похолодело внутри от осознания такого подарка. Теперь дело за главным – практическое использование сих знаний. Не знаю, получится ли...

«...Но истинное назначение настоящего Сомы было (и есть), сделать «нового человека» из Посвящённого, после того, как он «вновь рождается», именно, когда он начинает жить в своём Астральном теле; ибо когда его духовная природа одолеет физическую, он не замедлит сбросить её и расстаться даже с этой эфириобразной

формой».

Е. П. Блаватская

* * *

Уже пятый раз чакры «раскручивались» хорошо, даже жар чувствовался, а вот выход через верхнюю никак не удавался.

«Вот в этом я весь, – разозлился сам на себя, – всё хочется взять нахрапом, без труда. Только здесь не тот случай. Йоги-то поумнее тебя были, а ты хочешь, закрыв глаза на восемь тысяч лет работы с сознанием, решить сам, как работать с сим предметом? Выскочка! В общем, придётся освоить и проскопию, а до этого пройти все упражнения по энергетической чувствительности».

Поначалу всё это давалось тяжело – ленивая сущность противилась необходимости дико напрягать мозг. Ну не привыкли мы пока к мозговому армрестлингу, «лапки» долго не держат. Но потом оказалось, что напрягаться как раз-таки и не надо было, всё должно «течь» плавно, без усилий, само собой и одно вытекать из другого. А лишнее напряжение может только помешать процессу и даже сильно навредить. Всему этому, естественно, учит Раджа – Йога, но ведь мы привыкли на своих ошибках, и нас не переделать.

Несмотря на это талант к биоэнергетике у меня всё же присутствовал, и через пару месяцев хорошо стал удавать-

ся «коробок со спичками» – я почти всегда «видел» сколько их там, мысленно выкладывая по одной на стол. Проскопия тоже приносила свои волшебные плоды. Если сначала мне надо было пытаться транслировать информацию о настоящем себе же в прошлое, скажем, месяц назад, для того, чтобы поймать информацию о том, что будет через месяц, которую я обязательно через этот месяц сам себе и отправлю... То вскоре в такой помощи отпала необходимость, я научился видеть, а точнее, чувствовать будущее, черпая всё из информационного поля. Это выглядело, как работа интуиции. Главное было отключить логику ну или принять информацию до того, как она включится в процесс. Если я не успевал, вариантов разворота событий возникало несколько, и приходилось пытаться понять, какой из них подсказала интуиция, а какой логика. Ошибки случались часто.

За дыханием и использованием энергии дело тоже не стало. Я свободно представлял человека, как пустой сосуд и начинал «заливать» целебную прану до наполнения по самой макушку. Абсолютно необходимо было исключить насильственное воздействие – процесс должен «литься» спокойно, как будто сам по себе, тогда энергия пойдёт только на пользу.

Всё это было поверхностным, начальным этапом, дальше шли упражнения более сложные и серьёзные, но у меня появилась уверенность, что для опыта по непосредственному контакту энергетического тела с самой информационной системой уровень подготовки являлся минимально достаточ-

НЫМ.

А как-то поздно вечером, приготовившись ко сну, я как обычно расслабился и открылся для принятия эфира. Состояние сие, когда ты ещё не заснул, но и с материальным миром крепкую связь уже терять начал, называется пограничным. Именно это состояние позволяет сместить спектр восприятия, который у нас довольно-таки узкий, чуть в сторону. Стенка подсознания при этом уже начинает приоткрываться, давая возможность мозгу соприкоснуться с энергетическим миром, но в состояние сна ты ещё не вошёл, и получается, что твоё, ещё не ушедшее сознание, видит некие частицы тонкого мира. Я был открыт и надеялся на приятные волшебные ощущения эфира. Именно поэтому произошедшее далее шокировало настолько, что я мгновенно покрылся холодным потом и выскочил из пограничного состояния, как пробка из бутылки шампанского.

А увидел я следующее: прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки в воздухе висела... голова. Просто одна голова без каких-либо признаков всего остального. Сверху и снизу от неё отходили тонкие нити, уходившие соответственно в пол и потолок. На них она, видимо, и держалась. Когда я её увидел, голова смотрела в стену и вызвала у меня лишь любопытство. Но, как будто почувствовав, что на неё смотрят, она начала медленно поворачиваться на своих ниточках и буквально через пару секунд её взгляд впился мне в глаза. Он был ужасен – там была беспредметная

злость, ярость существа, патологически ненавидевшего мой мир и конкретно меня, видимо, за то, что я посмел к нему вторгнуться. Взгляд прожёл меня насквозь и мгновенно вызвал такой дикий страх, что моё сердце чуть не выскочило из груди, а спина взмокла от ледяных бисеринок. В тоже время страх этот помог мне тут же из сего состояния вылететь и оставить голову в покое в своём мире. Сон как рукой сняло, я ещё долго не мог успокоиться, зато понял, что обучение принесло свои плоды, и я уже могу совершать и более длительные контакты с тонким миром. Ну а страх... так память тут же напомнила мне о дорисовке мозгом того, что нет в его «базе данных». Конечно, никакой головы там не было, но сущность, которую я увидел, имела такой облик, либо вообще не имела никакого с точки зрения материального мира, что мозг не смог подобрать для меня адекватную картинку и «нарисовал» нечто такое, ассоциирующееся у него с диким ужасом.

И вот, через пару дней, вытравив из души и из памяти тот страх, я, наконец, рискнул первый раз покинуть брренное тело и плотно соприкоснуться с тонким миром. Заранее перейдя на психическое дыхание, я концентрировал Прану в темечке – там, где по учению йогов находится верхняя чакра, и через которую мне и надо будет выйти из материального тела. Максимально расслабившись, я стал прислушиваться к шумам в эфире и стараться, чтобы шумы сии мой мозг смог превратить в понятную информацию. Течение времени

стало неразличимым, информация превратилась в голоса и образы, и моя сущность, уже воспринимаемая мною только как сознание, потянулась туда, к ним, манящим своим светом и неизвестностью...

Я оказался как будто повешенным в белом тягучем тумане. Вокруг мелькали разноцветные всплески, что-то двигалось, переливалось, а в голове мельтешил балаган из чьих-то слов... или размышлений... Одно только это уже стало интересным. Однако долго в одиночестве мне висеть не пришлось.

Вдруг непонятно откуда на близком расстоянии от меня появился седой старец в чёрном балахоне. В руке он сжимал трость с набалдашником, похоже, из драгоценного камня. Я почти обрадовался – первый мой контакт с сущностью другого мира как-никак, – но старец, похоже, был совсем иного мнения насчёт контакта со мной. Ничего так и не сказав, он поднял руку с тростью перед собой. Из каменного набалдашника вырвался белый, как солнце, луч и попал прямо в меня. Боли я не почувствовал, однако проклятый луч вдруг стал тянуть меня куда-то вниз. Сопротивляться сил не было, и я стал падать, если это можно назвать падением – ведь оно происходило в никуда. Молчаливый старец с ледяным спокойствием тянул и тянул – похоже, он ненавидел меня так же, как та голова на ниточках. Откуда-то пришла мысль, что если я не сделаю хоть чего-нибудь, то погибну или останусь вечным заложником этого мира вдали от родного тела.

Страх окутал холодным липким туманом и, повинувшись ему, я начал сопротивляться.

Когда-то, на заре моих энергетических практик, я учился создавать вокруг себя две воображаемые сферы, похожие на половинки яичной скорлупы. Одна половинка вращалась по часовой стрелке, другая – против. Этим способом любой человек может экранировать себя от энергетических ударов или сканирования. Вот оные сферы я всеми силами и попытался воссоздать. Затем в голове истерично зазвучала молитва. Кроме «Отче наш» я ничего не знал, но и этого оказалось достаточно, ведь в молитве главное – настройка астрального тела на контакт. А что тебе для сего действия необходимо – дело твоё.

Буквально через десяток, другой секунд попытки принесли плоды, и меня выкинуло обратно в мой мир, на мягкий диван, к знакомым и приятным для души звукам и картинкам. Я сидел и минут десять просто тяжело дышал, пальцы рук подрагивали, а в голове бушевала круговерть и звонили колокола.

Такой тяжёлый опыт отбил мне охоту к экспериментам на пару-тройку недель. Но человек – существо негибкое, тем паче – любопытное, поэтому вскоре я стал готовиться к новой вылазке в тонкий мир.

Для начала, как я усвоил у Закладного, мне требовалось научиться сосредотачиваться на одной цели, тогда никто лишний, вроде чёрного старца, рядом со мной и не окажется.

А для этого начинать надо было с какого-нибудь предмета, например, с коробка спичек или кирпича – неважно. Соответствующие упражнения в книге имелись – мне следовало мгновенно сосредотачиваться на предмете и через несколько секунд о нём забывать. Всё это, естественно, – в полностью расслабленном состоянии при психическом дыхании. Посторонние мысли-шумы лезли в голову, да и забыть мгновенно то, о чём думал секунды назад, оказалось титанически трудно. Но желание и вера в себя делали своё дело.

«Творческая мыслительная работа человека возмущает вокруг себя пространство и извлекает из него в своё духовное сознание (которое тоже есть пространство) отдельную монаду. Духовное сознание личности и монада становятся единым целым, и эту цельность составляет космическая эволюционная информация».

Е. П. Блаватская

Через месяц, вооружившись вновь обрётённым умением и, конечно, не забывая о защитных сферах, я повторил все заново. Правда, теперь у меня была цель – контакт с положительной сущностью.

Сферы я создал вокруг себя сразу, как оказался в белом тумане. Но на этот раз я увидел не только цветные всплески. Вокруг двигались ярко окрашенные силуэты, в которых угадывались человеческие очертания. У них были разные оттенки, у некоторых даже отличные от большинства цвета.

Однако моё твёрдое сосредоточение на цели не давало внимательно разглядеть этот бал форм и звуков, и буквально через десяток секунд я оказался за сие вознаграждён.

Он появился ниоткуда, просто материализовался предо мной и сразу начал сверлить взглядом моё воплощение – то, что я со стороны собою представлял. Взгляд был мягкий, от него веяло добром и мудростью, но настолько пронзителен, что сразу захотелось спрятаться, уйти, удрать... Описать его, возможно, смог бы и не каждый, но мой практичный мозг, цепляясь за привычную реальность, сразу подрисовал этой сущности черты старца в белом балахоне и дальше так его и воспринимал.

Я уже почти свыкся с ролью изучаемой под микроскопом амёбы, как вдруг отсканировав и выпив мою душу, старец исчез. Расстроившись, но совсем не удивившись – чего удивляться поведению и решениям существа из многомерного пространства? – я продолжил удовлетворять своё любопытство. Сосредоточившись на одном из силуэтов, я постарался открыться на восприятие и тут же получил удар из образов, мыслей и, главное, чувств. В этот момент я осязал всю его жизнь, как свою. Всё это нахлынуло одновременно, и об усваивании информации не могло быть и речи, сохранились только общие ощущения. Зато я понял, что получил слепок души, бытия этого человека, соприкоснувшийся одновременно всеми гранями со мной. После того, как я осознал вкус такого познания, появилось желание попробовать

следующего. Я мысленно потянулся к соседнему силуэту, но тут же предо мной снова возник белый старец.

– Осваиваешься? Смотри не заиграйся! – Голос, неожиданно возникший в моей голове, поверг меня в шок. – Ты рискуешь либо запутаться, где твоя жизнь, а где его, либо, в худшем случае, сойти с ума, если у одного господина когда-то были очень сильные эмоциональные переживания. Касаться сущностей надо аккуратно, а ты сего не умеешь.

– Позвольте спросить, а вы кто? – Мой, если так можно назвать, голос сильно дрожал.

– Я здесь... живу... и не только здесь. А название ты сам уже придумал – сущность. Тебя, кстати, тоже можно аналогично назвать. Я знаю, ты хотел общаться. Общайся, спрашивай, не смущайся!

И я не растерялся:

– Там, где мы сейчас находимся, это многомерный или, как ещё мы называем, тонкий мир?

– Вот именно – как вы называете! Это для вас он «тонкий», а на самом деле это тот же мир, в котором живёте, просто вы его не ощущаете. Спектр восприятия людей слишком узок, да вам больше и не надо, не заслужили пока. Вот сейчас ты расширил своё восприятие на несколько порядков, однако это тоже «капля в море». Мир безграничен, и его измерения переходят одно в другое. Чем шире спектр твоего видения и возможности воздействия на окружающее, тем больше ты понимаешь в строении и законах мироздания. Ну, а

вы пока даже бесконечность вселенной и «чёрные дыры» понять не можете, да в физику своего малюсенького мирка свято верите.

Меня уже трясло от возбуждения, вопросы кружили роём над головой:

– А вы видите весь мир целиком? И как же можно понять бесконечность вселенной?

– Нет, не весь. Нет предела совершенству. Я, так же, как и ты, иду по ступеням вверх, просто я на данный момент стою выше. А бесконечность вселенной можно понять только когда измерения пространства и времени станут для тебя такими же простыми, как длина и ширина стола. Тогда ты поймёшь, как видимая вами вселенная перетекает и является частью другого... – Старец замолчал. Было похоже на то, что ему сложно подбирать для меня понятия и объяснения.

– Ладно, примерно понял, – не стал его мучить я, но паузу смог выдержать лишь пару секунд:

– А скажите, я ведь после смерти окажусь здесь, рядом с вами? Раз у меня получился переход в ваш мир, значит, я уже заслужил, и значит, это последняя жизнь в моём трёхмерном? – Я с затаённой надеждой глядел старцу в глаза. – Вы поймите, в моей жизни было столько боли и лишений... я уверен, что должен быть поощрён Богом на том свете... в смысле, в вашем мире...

Громогласный хохот перебил мой лепет. Старец жалил меня взглядом, в котором проглядывалось то ли презрение,

то ли негодование.

– Боли?! Лишений?! Ты считаешь, что в твоей вполне сытой и размеренной жизни было много боли?! Да ты даже не знаешь, что это такое!

Старец на минуту замолчал, похоже было, что он просто хотел успокоиться. Продолжал он уже размеренным менторским тоном учителя:

– Ты, конечно, не в начале, но и последнюю трёхмерную жизнь ещё не прожил. Неужели сам сего не понимаешь? В последней лишений и боли будет во много раз больше, чем сейчас. Людей этой ступени очень мало, посему ты с ними и не сталкивался. А вот между первой и последней ступенью расстояние большое, и людей, находящихся в середине пути, много.

Мне стало страшно, как от вида громадного количества неожиданно навалившейся работы. Но любопытство быстро победило страх:

– У меня в голове уйма вопросов. Но для начала разрешите называть вас Учителем?

Старец кивнул.

– Я вижу и даже знаю, какие. Но раз ты назвал меня Учителем, давай-ка побеседуем попродуктивнее. У меня появилась насчёт тебя кое-какая идея.

«Идею» Учителя я пропустил мимо ушей и жадно бросился с головой в дебри философии и софистики. И далее наш разговор выглядел так.

Я:

– Я давно пытался понять: ведь, насколько я помню, в разных религиях количество этих, как вы сказали, ступеней, разное, только там они называются жизнями и их реинкарнациями. Так сколько же их на самом деле?

Учитель:

– Это зависит от того, как быстро ты по ним двигаешься, или, может, вообще стоишь на месте. Это, как в школе: ты можешь в каждом классе оставаться на второй год по неуспеваемости, а можешь сдать экстерном сразу два-три класса. Ну а ваша информация о том, что в одной религии десять реинкарнаций, в другой три... и так далее, она от разных сущностей, от «учителей», с которыми контактировали создатели сих религий. Они уже прошли все ступени, прошли их по-разному, кто за десять реинкарнаций, кто за три, а кто, может, за пять. Возможно, они об этом тоже сообщали этим медиумам, но те неправильно поняли, ведь мы общаемся с вами не словами, но образами, а ваш мозг, насколько он способен, переводит образы уже в слова.

Я:

– Учитель, а я-то хоть вас правильно понимаю? – Меня неожиданно накрыло волной печали. – Ведь люди становятся всё более материалистичными, циничными, религии уходят... и чтобы им объяснить, доказать такие необычные вещи, надо самому их понимать верно.

Учитель:

– Не переживай, понимаешь ты относительно правильно. А насчёт материалистичности людей я вот что скажу: религии никуда не уйдут. Надеюсь, как человек, интересующийся мирозданием, ты заметил, что религии постепенно трансформируются в более правдоподобные, в параллели со знаниями данного этапа развития цивилизации. Вот у вас была такая медиум Блаватская, её учение вполне шло в параллели с девятнадцатым веком и объясняло намного больше святых писаний многотысячелетней давности. Однако и она слишком «буквально» и, соответственно, неверно восприняла некоторые образы, переданные ей. Ещё через несколько сотен лет возникнет другое учение, которое люди двадцатого века просто бы не поняли, настолько бы оно оказалось сложным для восприятия их мозгом. Появятся новые «Библия», «Тора», «Коран», а, может, и одно общее учение... Но люди всегда будут стремиться понять тот мир, который им полностью не постичь, постепенно вытаскивая из него знания по толике и выкладывая их в книгах. Ну а остальное человечество, не отличающееся даром ясновидения, будет называть сии рукописи «святыми».

Я обречённо помолчал, но не долго. По милости психологического парадокса самооправдания, моё «я» понемногу начинало бунтовать. В голову полезли мысли – практически «столпы» нынешних познаний в этой области:

– Знаете, Учитель, ведь я славянин, стало быть, живу среди православных. Я с детства знаком с основными догмами.

Как же тогда церкви, их служители и самое главное доказательство – проявления силы господней?

Мне ответили сразу и так мягко, как будто мать успокаивала своё нерадивое дитя:

– Ни церкви, ни их служители прямого отношения к Богу не имеют. А вот сам Господь – дело другое. Ты, конечно, понимаешь, что Он не отдельная личность, а скорее сложный и непонятный для разумения вселенский разум, природа, механизм, энергия и информация, контролирующий, уравнивающий..... Даже не так. Если сказать простым языком, это, как закон физики, и веришь ты в него или нет, значения не имеет. Он есть, работает – и всё, поклоняться ему совсем не надо, да и приписывать разные небылицы, как это делают многочисленные конфессии, тоже. Сие опять же ничего не изменит.

Он немного помолчал и продолжал:

– Да ты не переживай, я тебе кое-что покажу, попытаюсь научить, а взамен ты должен будешь это описать. И хотя истину никто никогда не узнает, а только рядом блуждать будет, да фрагменты из бесконечности выхватывать, тем не менее, постарайся написать хоть что-то, что сможешь.

Я:

– Но я не смогу так сразу перевести свои эмоции и ваши образы в мысли и слова. Я знаю – мой мозг, моё сознание трёхмерно и поэтому большая часть знаний будет понята неправильно, опираясь на моё видение мира, либо вообще

пройдёт мимо.

Учитель:

– Так ты не сразу, а понемногу. Ты думай и чувствуй. А что не поймёшь, за тебя поймут другие, кто поумнее. Ты просто им место в рукописи оставь.

Итак, перво-наперво Толян...

* * *

Вдруг как-то сразу, сверху, на расстоянии нескольких метров, я увидел мужика, стоящего рядом с, видимо, своей машиной. Он был среднего роста, короткостриженный, с мощной мускулатурой, годами шлифовавшейся на тренажёрах и боксёрских грушах, в адидасовском спортивном костюме. Мужик стоял на тротуаре и, никому не мешая, эмоционально орал хриловатым голосом в мобильный телефон, размахивая свободной рукой. А вот его BMW, стоявший там же на тротуаре, прохожим мешал сильно, они сверкали в его сторону глазами и что-то со злостью бормотали, однако никакого внимания на сей факт спортсмен не обращал.

– ... Короче, приезжаю на стрелу – нашёл, б..., недавно нового лоха, который производит загородом в подвале дома мыло и стиральный порошок. Ну, я его малёха поплющил ... твою мать... Наварился вчера реально, башка-то у меня хорошо работает. Теперь он мне, сука, с каждого навара треть будет отдавать. – Толян злобно засмеялся.

Но гомерическим смехом это вряд ли можно было назвать, скорее, напоминало бляенье барана. При этом его узкий лоб смешно морщился, а маленькие пороссячи глазки казались ещё меньше. Однако, как бы этого ни хотелось, потешным его лицо назвать было нельзя. Лишённые изящества грубые линии находились так далеки от благообразия, а взгляд напоминал два пистолетных дула – чёрные и пустые. Всё это у любого интеллигентного человека вызывало отталкивающее чувство, граничащее со страхом, а хороший физиогномист увидел бы либо простенького агрессивного мужичка, годного разве что топором или кувалдой махать, либо бандита, кем он, в общем-то, и являлся.

– Короче, бабло сейчас есть, и на пару месяцев мне его хватит. Отдыхать буду, расслабляться, б... Ну а ты как, Пархом?

На другой стороне «трубки» Толяну отвечал мужчина с заднего сидения, мчавшегося на огромной скорости чёрного «Гелендвагена». Он имел скуластое лицо правильной формы и жёсткий взгляд, одет был в солидный дорогой костюм. Внешний вид мужчины и то, как он отвечал, вызывало некоторый диссонанс:

– Отлично. Слышь, Толян, бросай фигней заниматься, есть тема поважнее, твоя помощь нужна. Моей фирме мешает один чел, мать его. Он производственник, белый бизнес. Завод у него большой, клепает детали для станков, радиодетали... В общем, мне нужен контрольный пакет акций его

конторы. Ты должен заставить тебе его продать. А я потом его завод разделю по цехам, каждый из них продам чёрным налом, бабло переведу через Серегин банк в офшоры, а контору объявлю банкротом, ну а потом... в общем, это тебе уже знать не обязательно.

– А что такое офшоры?

Пархом презрительно ухмыльнулся в трубку. Лицо его на секунду приобрело звериный оскал, только с какой-то детской простотой и непосредственностью, как будто Сатане, сидящем в нём, стало смешно и он высунулся посмотреть, кто же его так смешит. Но уже через секунду маска благопристойного, можно даже сказать, интеллигентного человека, вновь крепко держалась на своём хозяине.

– А тебе не один хрен? Всё равно ни черта не поймёшь своей башкой. Я деньги на этом подниму реальные.

Посмотрев на Толяна, было видно, что тот совсем не обиделся. То ли он привык к хамству, то ли слова сии для него и хамством-то не были, а так, мягкой журбой.

– Слушай, Пархом, а ты ведь неделю назад какую-то сделку крупную провёл. Тебе че, бабла мало? Давай лучше сейчас в баню с девками!

– Послушай, дружок, для меня зарабатывание денег – это спорт, риск, адреналин. Только в этом удовольствие. А сами деньги мне особо и не нужны. Ну, это как для тебя разница два раза штангу выжать или десять. Десять лучше, чем два – чувствуешь, что можешь. Ну а потом после окончания дела,

само собой, приедешь ко мне на дачу: водка, шашлыки, девочки, всё как обычно. Мне нравится с тобой общаться, а то надоели эти советы директоров, заграничные партнёры, феня эта профессиональная экономическая... ни вздохнуть, ни плюнуть, ни выругаться. А с тобой за стаканом водки я самим собой становлюсь, отдыхаю и душой, и телом... А помнишь, как мы в прошлый раз девок заставили с нами пойти, ломануть соседа, он, вроде, писателишка или музыкантишка какой-то. А потом везли их голых на капоте моего «гелека». – Глаза его стали по-детски озорными, после чего Пархом без стеснения именно заржал, как конь. Но когда через десяток секунд весь воздух громогласно вышел, он уже спокойно бросил в трубку:

– Ну ладно, сейчас не до этого, надо собраться. Всё, бай, до связи!

Толян удовлетворённо рыгнул и сказал не кому-то, а просто в пустоту:

– Ну всё, короче, я на сегодня работу закончил, пойду отдохну с Люсиндой. Любит меня эта дура. – Он с удовлетворением осклабился...

Сев в машину, он, к большой радости прохожих, вырулил с тротуара на дорогу и вдавил педаль газа. Машина взревела и с пробуксовыванием рванула вперёд к центру города.

А примерно через полчаса после этого чёрный «Геленд-

ваген» заехал на тротуар и остановился прямо перед парадной дверью банка. Пархом вышел, двумя пальцами выстрелил окурок сигареты и быстрой целеустремлённой походкой направился к двери. Сзади семенил охранник-горилла, но шеф не обращал на него никакого внимания. Сначала к двери стремилось его поджарое тело с чуть опущенной, как у быка на Родео, головой, а за ним еле поспевали ноги.

– Вы к кому? – рванулась на встречу молоденькая девушка на ресепшене.

– К Серёге... точнее к Сергею Николаевичу. Передай ему, что Пархомов пришёл, – не повернувшись и даже не замедляя шага, бросил он через плечо.

– Но подождите, он ведь ещё не дал согласие. Или вам было назначено? – бежала за Пархомом девушка, пытаясь перегородить ему дорогу.

– Брысь, соплюха, пока я не рассердился. – Пархом грубо отстранил её ладонью.

Лифт плавно взмыл вверх и почти сразу же остановился. На табло уже светилась цифра «3». Потом метров десять по коридору, и вот посетитель у двери с золотой надписью «Директор». Горилла-охранник услужливо открыл дверь.

– Здорово, Серёга! – с порога крикнул Пархом.

Из-за шикарного стола красного дерева выскочил плюгавый мужичок с маленькими глазками, неприятно, но выразительно выражающими смесь хитрости и подлости, рыхлым лицом и носом-картошкой. Несмотря на толстое пузо, пере-

двигался он довольно прытко и уже через пару секунд оказался рядом.

– А-а, здорово, Пархом! Сколько лет... Забываешь старых друзей. А раньше, когда общий бизнес был, помнишь? Не разлей вода. Ну, рассказывай, чего тебя сюда принесло?

– Дело к тебе есть на миллион, – усмехнулся Пархом.

– А не обманешь, как было тогда? – Лицо Серёги приобрело заискивающее выражение, и одновременно с этим глаза загорелись жадностью.

– Не бойсь, не кину! Мне даже не столько ты нужен, сколько твой банк. Надо будет бабло перевести в оффшоры. Нужны твои связи.

Серёга прищурился, а затем достал из тумбочки в столе бутылку дорогого коньяка:

– Ну, хорошо, давай обсудим детали...

Человечество в лучшем случае представляет собою жалкое Панургово стадо овец, слепо идущее за водителем, попавшемся ему в данный момент. Человечество – во всяком случае большинство его – не хочет само думать. Оно рассматривает, как оскорбление самое смиренное приглашение шагнуть на мгновение за пределы старых избитых дорог и, судя самостоятельно, вступить на новую дорогу в новом направлении.

Е. П. Блаватская

Я:

– Ну это уж совсем животное. Толян – похоже, корова

или, скорее, бык, Пархом поумнее, хотя мне кажется, что он агрессивнее и злее – натуральный злобный волк. А Серега труслив и жаден, как шакал. Думаю, Серега слабоват и больших высот не может добиться, разве что на везение.

Учитель:

– Да, ты прав, Толян только начал свой путь, только вышел из круга животных... он был псом, вполне приличным, хоть и хулиганил, как и все нормальные собаки, но хозяин его любил. Пархом и Серега же от него недалеко ушли, практически следующая ступень – связь между душой и телом уже чуть сильнее, есть основа интеллекта, однако тело ещё полностью довлеет. Серега хитёр, хоть и слабее Пархома, но материально хорошая жизнь полагается, поэтому ему, можно сказать по-твоему, «всегда везёт».

Я:

– Однако Пархом довольно много добился именно интеллектом – вон какой бизнес раскрутил.

Учитель:

– Глупый. Во-первых, количество денег совсем не пропорционально высшей душевной организации, отсюда..... А во-вторых... вот какая у тебя планка, к чему ты стремишься? Наверное, хочешь многое познать, после этого многое обдумать и вывести что-то своё. Все науки это для тебя предмет уважения, учёные и люди творчества – предмет подражания. Ты хочешь добиться вершин и в карьере, и в творчестве, и в познаниях, а

главное, совершенствуешь свою душу и мировоззрение. А у Пархома всё мною сейчас сказанное сводится к одному: он хочет добиться вершины только в накоплении материальных средств. Да у него даже фантазии их потратить нет. Естественно, раз вся его сущность, весь интеллект направлен только на это. А раз он больше никуда не разбрасывается, то материальная сторона у него получается лучше, чем у тебя. Количество денег – это единственный интерес, пик его стремлений и смысл всей жизни. А для ступеней более высоких такая жизненная цель настолько примитивна, что они ей уделяют лишь маленькую толику своего времени, распыляясь на всё остальное. А значит и не так часто добиваются высоких результатов. К тому же.....

Я:

– Получается, если человек богатый, то он априори стоит на начальных ступенях развития?

Учитель:

– Ну, в общем и целом, и чаще всего – да. Но только если ему всё это далось с лёгкостью или везением. Естественно, бывает уйма исключений – вот, опять же, если он к повышению своего достатка прикладывает очень большие усилия. Заработавших очень много денег только своим умом, талантом и колоссальным трудолюбием не так много в общей массе, однако они, естественно, есть. Правда, такие люди, как правило, теряют в чём-то другом, например, в личной жиз-

ни.

Я:

– Как-то это максималистично выглядит. Бедный – хорошо, богатый – плохо.

Учитель:

– Нет, всё не так, это было бы слишком просто. Ты не с той стороны начал. – Учитель усмехнулся. – Тенденция здесь такая: главная задача системы – генерировать серьёзные испытания, несчастья, препятствия и уравнивать их. И дело не в богатстве, а именно в них. Просто бедному легче встретить на пути тяжёлые испытания и пройти их с достоинством, хотя и на богатого бывает «проруха», например, пожертвовать все свои деньги для кого-то. Ну а сама регуляция сих испытаний ведётся по основным критериям – таким «китам». Грубо говоря, из материальных критериев это: богатство, карьера, известность, здоровье, внешность... Из духовных: доброта, ум, везенье в любви, в дружбе, кому-то – в творчестве... Но это уже другая история, сейчас поясню.....

Я:

– Я понял. Скажите, а кто же такая эта Люсинда? Неужели у идиота Толяна есть женщина, которая его любит?

Учитель:

– Что ж, нет ничего проще. Смотри.

Тут же у меня, будто бы в голове, запиликал телефон. Я завертелся, но быстро понял, что эти четыре визглые ноты раздаются из мобильного Толяна.

– Слоник, заедь за мной, я в салоне «У Глаши», у моего стилиста. Уже два часа торчу. Мне твоя помощь нужна, тут проблемы, – капризным тоном сообщил женский голос на другой стороне трубки.

BMW Толяна остановился возле большого дома девятнадцатого века постройки в стиле барокко. Правда, дома эти уже давно не воспринимались, как памятник, ведь от первого до последнего этажа они были забиты офисами, салонами, ресторанами. Вот и здесь над тяжёлой дубовой парадной дверью красовалось неоновое табло «У Глаши». Толян вышел из машины и вразвалочку зашёл внутрь. Перед его взором предстал шикарный интерьер, сверкающий зеркалами и металлом. В середине зала висела бронзовая антикварная люстра, на которой сияли никак не меньше пары-тройки десятков ламп в подсвечниках. По периметру стояли кожаные кресла, поверх которых торчали, в основном, прелестные девичьи головы.

– Люська! – гаркнул Толян.

А вот и Люсинда. Девушка, сидевшая перед маникюршей, резко обернулась всем телом на крик Толяна, показав себя сразу во всей красе, и общая картина стала намного понятнее. Косточки на лице как будто были искусственно обтяну-

ты белой нежной кожей без признака морщин. И вся эта искусно сделанная конструкция сводилась к своей высшей точке – огромным, как два валика, накачанным губам, оставляя маленьким, чуть заметным ушкам с малюсенькими мочками совсем немного кожи. И без того большущие глаза были накрашены так, что увеличивали визуальный эффект чуть ли не вдвое. А ещё сей эффект отлично подчёркивали пустота и кошачья наивность. В принципе её черты были действительно совершенны, если забыть о полном отсутствии глубины, хотя и совершенство это чрезмерное, гипертрофированное. Однако всё это можно было бы назвать красотой, если б не схожесть с неживой маской, а точнее даже с куклой – обычная такая кукла Барби из магазина игрушек. Но как раз именно она по теории и практике и должна с лёгкостью получать от этой жизни всё материальное и, возможно, даже любовь... материальное уж точно. В общем и целом, гламур по определению должен гламуриться, и он с этим ещё как справлялся по шикарным ресторанам, клубам, в шикарных тряпках, после чего ехал в шикарной машине отдыхать от этой тяжёлой жизни в шикарных квартирах.

– Да, мой слоник, я здесь! – У голоса Люсинды отсутствовала глубина, и он почему-то напомнил мне озвучку персонажа какого-нибудь мультфильма или комикса.

Толян подвалил к креслу.

– Ну давай, трепись, чё там у тебя случилось?

И Люська прямо при всём честном народе, не стесняясь и

маникюрши, начала свою тираду:

– Ты же знаешь, у меня братан есть младший, классный чувак, только погулять очень любит. Короче, напился вчера в крутом клубе, сел на свою «тойоту» и поехал по центру гонять. Ну, он у меня храбрый, скорость любит, разогнался по сто пятьдесят и сбил там какую-то дуру с ребёнком – она по пешеходному переходу шла... как будто в другом месте не могла перейти... да ещё и сам в другую машину врезался. Ну, брату, слава богу, ничего, ушибы только, а этих двоих и тех, кто был в машине, насмерть. Короче, ему теперь дело шьют. Ты не можешь как-нибудь отмазать?

– Да, я его помню, мы как-то ночью наперегонки по проспекту гоняли, он на «тойоте», я на «бэхе». Ладно, сейчас Пархома наберу, он поможет – мы вроде как дело с ним замутили, я сейчас для него компаньон. Со свидетелями, если чё, сам разберусь. – Толян громко заржал. – Ну, ты давай, выходи на улицу, я пойду в тачке посижу...

Я:

– Вот уж, в самом деле, нашли друг друга и друг друга стоят.

Учитель:

– Такие, как Толян, не остаются без внимания представительниц женского пола, но, естественно, только таких, как Люсинда. Она в его глупости и агрессии видит искомую мужественность и лихость. Аналогично могу сказать и про неё.

Эти люди редко страдают – им не положено, не выдержат, поэтому все жизненные необходимости и блага даются к их распоряжению сразу.

Я:

– Учитель, последний вопрос. Здесь всё понятно, всё расставлено по полочкам. Но вот услышав последний разговор... Почему такая несправедливость, почему всегда получается, что эти пустые разгульные отбросы остаются живы – максимум синяки и царапины, а люди достойные, чистые душой и сердцем, да и для общества в сто крат более важные, погибают? Прямо наваждение какое-то.

Учитель:

– Ты разве не видишь? Это инструмент «Дьявола», если проще выразиться, хоть дьявол – это и собирательное понятие. Есть законы, по-вашему, похожие на законы физики, только в сто крат сложнее, и вы им подчиняетесь. Ваши мысли и действия и есть результат исполнения сих законов. Дата рождения, воспитание, круг общения, интересов, якобы случайные происшествия, подводящие вас в течение жизни к тому, что сейчас имеете... это всё результат их работы. Эти, как ты выразился, «отбросы» – печальная необходимость, ведь кто-то должен творить зло и держать систему в равновесии. Зло должно быть доступнее, оно должно поощряться, вот их и держит система «наплаву», помогает им. Только одни творят зло помалу, раздумывая, вытягивая жилы и отрывая по кусочку, другие сразу и фатально, как Толян, Пархом

и Серёга.

Однако первые персонажи, по-моему, ещё отвратительнее – они стоят выше интеллектом, поэтому уже подвергаются испытаниям. Но испытания эти не выдерживают и становятся хуже и опаснее Толяна, иначе говоря, тем же «орудием Дьявола». Ты готов их увидеть?

Я:

– Пошли дальше, я готов.

* * *

– Да, да, войдите! – Заместитель директора крупного предприятия с ожиданием посмотрел на дверь.

У него имелось минут двадцать свободного времени, поэтому он был готов к абсолютно любому посетителю, коих случалось немало, и каждый со своим делом. Кстати сказать, Валентин Михайлович уважал даже, стоящих на самых низких ступенях служебной иерархии, умел работать и вообще слыл идеальным руководителем. И всё потому, что он сам начинал с низов. Ну а на днях он должен был принять довольно серьёзное решение: надо было выбрать нового начальника одного из подшефных ему отделов, ведь старый начальник ушёл на пенсию.

А буквально за пять минут до этого Полина летела по коридору дирекции в предвкушении побед и даже чего-то сказочного – она много чего ждала от предстоящего разговора.

Только что Полина обнадёжила свою лучшую подругу Тамару Рябицу:

– Томочка, если у меня не получится, я незамедлительно предложу ему тебя. Ласточка моя, у тебя есть все задатки начальника: кошачья цепкость, обаяние, а главное, человек ты прекрасный! У меня-то шансов немного, но другое дело ты. Я ещё поборюсь, ты этого достойна.

И вот Полина открыла дверь и проскользнула внутрь. Разговор продолжался все эти двадцать минут. По их истечению несколько понурая Полина вышла и направилась прямо в от-дел.

– Как я и предполагала, меня не взяли, – с порога объявила она подруге. – Всё, теперь очередь твоя. Завтра в это же время он хочет тебя видеть. Я сделала всё, что могла, как и обещала.

На следующий день Тамара шла по тому же коридору, правда менее уверенным шагом, чем вчера подруга. Долго она стояла перед массивной дверью к человеку, могущему устроить любую судьбу. Наконец постучала и сразу вошла.

Валентин Михайлович не без удовольствия наблюдал за тем, как Тамара Рябица упражняется в изящном словообразовании, не забывая при этом продемонстрировать в разных ракурсах и красоту внешнюю. Ну, любил он симпатичных молодых девушек, что ж с этим поделать. Любил безответно, горячо. Они вызывали в нём чувства скорее покрови-

тельственные – красавице всегда хочется сделать что-то приятное, такова природа любого сильного и могущественного мужчины. К тому же её благодарность, как правило, выливалась в преданность, а что может быть важнее для начальника.

– Возьмите меня на должность, не пожалеете. Я справлюсь.

Валентин Михайлович колебался:

– Ну не подходите вы, мягкая симпатичная леди, какой из вас начальник.

– Во мне живёт зверь, – убеждала она.

Наконец кокетливые улыбки и красивые ножки сделали своё дело:

– Ладно, да и подруга ваша вчера так хлопотала, может, так действительно лучше будет.

Из кабинета Тамара не выбежала, а выпорхнула. Ноги принесли в отдел, хотя голова при этом была где-то далеко.

– Господи, девочки, меня назначили начальником отдела! Я так вас всех люблю! – Она бросалась обнимать каждого, её радостью уже горели лица сослуживцев. – А давайте завтра устроим небольшой банкет, чисто для нас с вами, я угощаю.

На следующий день прямо с утра Тамара Рябица вбежала в отдел с большущими пакетами. Из одних приятно пахло, из других призывно торчали горлышки продукции алкомаркета. Лицо её светилось. Хотя рабочий день только начался, сегодня он проходил особенно весело, а в руках и на экранах

компьютеров всё горело и спорилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.